

Книги Андрея Васильева
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ЧУЖАЯ СИЛА

Цикл

«УЧЕНИКИ ВОРОНА»

**ЗАМОК НА ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ
ГРОБНИЦЫ ПЯТИ МАГОВ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ОГНИ НАД ВОЛНАМИ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ЧЕРНАЯ ВЕСНА**

Межавторский цикл
«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев
**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ
ВРЕМЯ РОКИРОВОК**

Дем Михайлов
ЖИРДЯЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

УЧЕНИКИ ВОРОНА. ЧЕРНАЯ ВЕСНА

РОМАН

Москва, 2018
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1118

Художник
И. Воронин

Васильев А.

В19 Ученики Ворона. Черная весна: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 281 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2701-7

Не всегда возвращение домой может стать праздником, и в этом на собственном примере убедились ученики мага по прозвищу Ворон. После тягот минувшей войны они рассчитывали немного отдохнуть в солнечной Силистрии, в гостях у своего друга Гарольда Монброна, а вместо этого попали в очень и очень неприятную историю, из которой затруднительно будет выбраться живым. Да и не бывает по-другому, если на кону стоят золото и власть, принадлежащие одному из старейших и знатнейших семейств королевства. И теперь хочешь не хочешь, но как-то надо выпутываться из этой ситуации.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Васильев, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2701-7

ГЛАВА 1

— Тепло. — Розы запрокинула голову и зажмурилась, отчего стала чем-то похожа на пригревшегося на солнышке котенка. — Хорошо! Не то что на Вороньей горе. Там небось до сих пор снег лежит.

— Так ты за нами увязалась только затем, чтобы в промерзшем замке не сидеть? — не скрывая сарказма в голосе, спросил у нее Гарольд. — А я-то решил...

— И правильно решил, — рассмеялась Роза. — Я увязалась за своим любовником фон Рутом. Ты же это имел в виду?

Монброн подумал, подумал, да и промолчал. А что ему оставалось? Любой ответ выставял его не в лучшем свете. Да, мы изменились... Точнее, они, отпрыски благородных фамилий со всего Рагеллона, изменились, но некоторые вещи были вбиты в них слишком крепко. Точнее, раз и навсегда. Гарольд не мог себя переломить и сказать что-то, что бросило бы тень на представительницу одного с ним сословия. Убить ее смог бы, а опорочить — нет. Не то воспитание.

Кстати, про «убить». Он ее чуть и не пришиб, когда она заявилась на пару с Эбердин на борт корабля, который должен был нас доставить в Силистрию, точнее — в один из приграничных с ней городков. Родич Монброна, граф Лотар, любезно предоставил нам эту возможность, а мы от нее, разумеется, не отказались.

Так вот, почти перед самым отплытием стоим мы на палубе, глазеем на то, как местные жители, которые, как выяснилось, почти все выжили после боев, разбирают сгоревшие дома, и тут на тебе — видим на причале Роза и Эбердин.

Причем они не просто там стояли. Они еще и корабль обсуждали.

— Хилогато суденышко, — сообщила громко де Фюрьи. — Серьезного шторма не выдержит.

— Тебе виднее, — даже не стала с ней спорить Эбердин. — Но хочу тебе напомнить, что плавать я не умею.

— Так оставайся здесь. — Рози заметила меня и помахала рукой. — Эраст, иди сюда, возьми наши вещи и подними их на борт.

— Не останусь, — отказалась Эбердин. — Наставник меня если увидит, то испепелит, ты же ему за вчерашний день все нервы вытрепала. Нет, лучше я утону.

— Эраст, стой, — цапнул меня за плечо Гарольд. — Де Фюрьи, только не говори, что ты собралась составить нам компанию.

Я, если честно, и не собирался никуда идти. Ну да, нас с Рози связывает многое, но при этом бежать куда-то по щелчку ее пальцев мне и в голову не придет. К тому же мне давно стало ясно, что, как только я буду делать шаг назад, она тут же будет делать шаг вперед, и это продолжится до той поры, пока меня не загонят в угол, из которого уже не выбраться. Замечу отдельно — под словом «вещи» понимались две наплечные сумки. Да и откуда взяться большому багажу? Но это все несущественно, Рози важен сам факт, что все случилось так, как хочет она.

— Зачем отрицать очевидное? — тем временем невозмутимо ответила Гарольду Рози. — Именно так все и обстоит.

— Исключено, — заявил Монброн громко. — Это положительно невозможно.

— Положительно невозможно отправлять фон Рута в такой компании, как ты и Фальк, — даже не подумала сдавать свои позиции Рози. — Мне плевать на тебя и на него, вы люди пропащие, мне это еще два года назад было ясно. Но тащить за собой в бездну Эраста я вам не позволю. Если уж кто его погубит, то пусть это буду я.

— Тысячекратно извиняюсь, — влез в разговор я. — Просто хотелось бы уточнить, что мне всегда удавалось находить неприятности без посторонней помощи. Да вот хоть бы недавно...

— погоди, — остановил меня Карл. — Давай представление досмотрим, интересно ведь. А еще лучше давай поспорим, кто из этих двоих победит. Ставлю пять медяков на Гарольда.

— Невысоко тебя ценят друзья, Монброн, — насмешливо сообщила стремительно покрасневшему Гарольду Рози. — Целых пять медяков!

— У меня больше нет, — невозмутимо пояснил Карл и хлопнул ладонью по тощему кошельку, привязанному к поясу. — Так что поставил все, что есть.

— Ну, это меняет дело, — признала Роза. — Эраст, это, в конце концов, уже просто неучтиво. А может, тебе лень? Тогда ты так и скажи, мы сами занесем свои вещи на борт.

— Не надо ничего никуда нести! — окончательно рассвирепел Гарольд и вцепился в борт судна мигмом побелевшими пальцами. — Де Фюрья, иди туда, откуда пришла, я тебя очень прошу!

— Не ори на меня, Монброн! — сдвинула брови моя суженая. — Это неучтиво. И еще — ты меня знаешь. Если я что надумала сделать, то своего добьюсь. Мы едем с вами, и это решенный факт. К тому же наставник одобрил эту идею. Он так и сказал: «Пусть в вашей компании будет хоть кто-то, кого боги мозгами не обидели».

А вот это похоже на правду. Вот только если вспомнить слова Эбердин, то можно заподозрить, что Ворон их произнес лишь для того, чтобы отделаться от Розы.

— Да пусть их, — неожиданно пробасил Карл. — Собственно, что тут такого? И еще — иногда женщина может узнать куда больше, чем мужчина, просто потому что... Потому что она женщина!

— И ты, Карл, туда же, — обреченно произнес Гарольд. — Вот от тебя не ожидал.

Карл, скрипнув кожей камзола, развел руки в стороны, как бы говоря: «Прости, любезный друг».

— Эраст, — требовательно произнесла Роза и показала глазами на наплечные сумки.

Фальк с интересом уставился на меня, ожидая, что я стану делать.

— Спать пойду, — громко сказал я и зевнул. — Мне лекарь местный так и говорил — после тяжелого ранения надо много спать и тяжести нельзя носить. И еще очень полезно фрукт гранат кушать. Что за гранат такой, не знаю, потому без него обойдусь, а вот спать и не перетруждаться — это можно.

И я ушел в трюм, где нам выделили небольшой закуток с подвесными койками, которые замещали кровати. Корабль ведь, не постоялый двор. Что дали, тем и обходимся.

Я все понимаю, но нельзя так меня ломать, буквально об колена. Меру знать надо. Это ей еще повезло, что с нами Аман-

ды нет, а то я сейчас из принципа за ней приударил бы. Хотя нет, Аманда — это слишком. Она и до нашего отъезда покладистостью и добротой не славилась, представляю, что с ней стало сейчас. Подозреваю, что она ядом выучилась брызгать, как одна змеюка в Халифатах. Сама длинная, башка рогатая, как кого завидит, так на хвосте поднимается и зеленой ядовитой дрянью в этого бедолагу плюется! Страшное дело. Я ее в пустыне видел, когда мы в Гробницы пяти магов добирались.

Вот и бывшая принцесса Фольдштейна сейчас, надо полагать, не добрее этой змеи будет. Оно и понятно — просидеть столько времени в четырех стенах, да еще и без общества себе подобных. Ну да, там еще есть слуги, но это, по сути, ничего не меняет. Двое из них за все время, что я прожил в Вороньем замке, и десяти слов не сказали, а недалекий Тюба, напротив, болтун жуткий. Причем последнее больше печалит, чем веселит.

А вообще странно, что Роза поступила именно так. Не в ее привычках подобный штурм, она всегда действует тоньше, хитрее. Или же это — часть некоего плана, разобраться в котором не сможет никто, кроме самой мистресс де Фюрьи.

Гарольд, естественно, сдался, но некое подобие позиционной войны сохранялось на протяжении всего пути. Эта парочка сломала столько словесных копий, что в какой-то момент все остальные просто перестали обращать на них внимание.

Тем более что и без того было на что посмотреть, по крайней мере, нам троим — точно. Ни я, ни Карл, ни Эбердин на юге Рагеллона до того не были, а потому большую часть времени торчали на палубе, радуясь тому, что нас окружало.

И скажу вам так — все мне тут было по душе. После промозглой и грязной весны Запада тепло и буйство красок поражали. У нас там холод собачий и до сих пор может снег закружиться в воздухе, а здесь уже все деревья в цвету! А уж запахи-то какие, запахи! Улей и мед! Вода за бортом из серо-свинцовой стала лазорево-прозрачной и теплой настолько, что мы с Карлом даже искупались на одной из стоянок. Нет, я бы сам не стал этого делать, но Фальк орал про то, что мы, сыновья Лесного края, такую воду считаем очень подходящей для купания. Пришлось соответствовать.

Чем дальше мы продвигались на юг, тем привлекательней становились и окрестные пейзажи. Зеленые холмы, голубое небо и белые города. Именно что белые, похоже, этот цвет предпочитали местные владыки, нобили и вельможи. И еще

они были какие-то... Даже не знаю... Округлые, что ли? Это вам не прямота и строгость зданий Запада, здесь предпочитали другие архитектурные формы.

Много открытого пространства, огромные террасы, заметные даже издалека, и совершеннейшая беспечность — никаких стен вокруг дворцов, никаких заграждений. Иные здания и вообще стояли прямо у берега, да еще и лестницы из светлого мрамора тянулись к самому морю. Хоть высаживайся и бери этих непуганых южан на меч. И чего нордлиги сюда не навешивают?

А может, я чего-то недопонимаю? Может, все здесь продуманно, и любому, кто захочет пожить за чужой счет, мало не покажется. Это раньше я полагал, что глазам можно верить, а теперь точно знаю, что часто все оказывается не тем, чем выглядит.

К примеру, высадится на берегу отряд лихих ребят, живущих с клинка, побежит по лестнице вверх, а из той шипы двухметровые как выскочат! И все, были brave вояки, а теперь больше не будут. Или их и вообще магическим огнем спалит.

А почему бы и нет? К магам тут другое отношение, не такое, как у нас. Здесь жгли нашего брата не так сильно, как на Западе, да и орден Истины особо не лютовал. Порядок наводил — это да, но без такой строгости, как у нас. Местные нобили — люди самолюбивые, не любят, когда им кто-то указывает, что делать, потому здесь хватает тех, кто теперь является нашим собратом по цеху. Точнее, будут являться, если мы посохи получим. Ну да, за тронем они не стоят и официальных должностей при дворе не занимают, закон есть закон, но это ничего не значит. Должность — это только должность, название, просто слова. Все решает степень влияния мага на события.

Хотя известно это все нам было только в теории, из рассказов Гарольда. А он в те времена, когда жил дома, на магов внимания особо не обращал, у него другие интересы были. Чего-чего, а разнообразных забав в Силистрии, по его словам, хватало. Просто маги на его родине были явлением привычным, они даже держали в столице магические лавки, что, например, в герцогствах или Айронте было делом совершенно немыслимым.

Кстати, Ворон нам на прощание дал совет отыскать в столице Силистрии его старого приятеля, некоего Унса Два Серебряка, мол, если что, он поможет. Правда, при этом он

как-то странно дергал глазом, особенно когда произносил его диковинное прозвище. А после, еще немного поразмыслив, посоветовал нам обращаться к нему только в том случае, если очень прижмет. И под конец добил нас, выразив надежду, что до такого не дойдет.

Думаю, не покинь мы его, он бы посоветовал и вовсе забыть про этого знакомца. У меня вообще сложилось впечатление, что он почти сразу пожалел о сказанном нам, что для Ворона несвойственно. Так что непременно надо отыскать этого самого Унса Два Серебряка. Сдается мне, что от него можно много всякого интересного про наставника узнать.

Так вот, чем ближе становилась Силистрия, тем больше времени мы проводили на палубе. А что? Светло, тепло и мухи не кусают. Когда еще нам доведется просто побездельничать, не думая ни о чем?

— Ничего такого он не имел в виду, — примирительно пробасил Карл и пошевелил пальцами босых ног. — Чего ты сразу?

— И зря, — сообщила ему Роза, не открывая глаз. — Потому что это правда. Вы, кстати, про это знаете.

— Кричи погромче, — посоветовал ей Гарольд. — Пусть граф Лотар тоже узнает, что представительница рода де Фюрьи из Асторга спуталась с бароном из Лесного края. Новость хорошая, интересная, пикантная, она из уст в уста передаваться будет. Глядишь, и до твоего родного города доберется, благо он от нас не так и далеко. И до твоего отца.

— Ты думаешь, что для него это до сих пор тайна? — Роза наконец открыла глаза и насмешливо глянула на Монброн. — Бедный наивный Гарольд. Отец давным-давно это знает. Да и мои родные — тоже, не сомневайся даже.

Я потер ребра, занывшие при воспоминаниях о родне моей девушки. Да уж, они знают. Очень даже знают.

— Нет, что твой папенька наслышан об этом, я не сомневаюсь, — без тени шутки ответил Гарольд Розе, все так же смотрящей на него. — Но пока, если можно так сказать, неофициально. А если эту новость начнут муссировать в... А-а-а!

— Да-да-да. — Роза показала Монброну розовый язычок, подмигнула мне и снова запрокинула голову назад.

— Плохая идея, — взъерошил волосы Гарольд. — Де Фюрьи, это очень плохая идея!

— Какая идея? — проворчал Фальк, поворачиваясь ко мне. — Ты что-нибудь понимаешь?

— Кажется, начинаю. — Ребра заныли еще сильнее. — Розы, разве мой подозрения.

— Какие именно? — лениво спросила де Фюрьи. — Если о том, что у замарашки Грейси волосатые ноги, тут не скажу на верняка, я ее без одежды не видела.

— Не называй Аманду замарашкой, — нахмурился Гарольд.

— Почему нет? — удивилась Розы. — Она теперь никто. Замарашка и есть. Титула лишена, умываться забывает, одевается скверно. Эраст, ведь я же правильно говорю?

— При чем тут Аманда? — чуть повысил голос я. — Не уводи разговор в сторону. Розы, ты что, надумала наши отношения предать огласке? Да еще вот таким образом?

— Я бы и не прочь сделать это по-другому, — добавила печали в голос проклятая интриганка. — Но ты же в Асторг не поедешь? И времени у нас на это нет, да и Монброн тебя не пустит.

— Не пушу, — подтвердил Гарольд. — Он же даже до города не доедет, его раньше убьют.

— Ну вот, — удовлетворенно мурлыкнула Розы. — Если ты не едешь в Асторг, то он прибудет к тебе. Как только новость о том, что я в Силистрии, причем не одна, а с не слишком-то родовитым любовником, доберется до ушей моего семейства, то непременно кто-нибудь в Форессу наведается.

— Эраст, я запрю тебя в замке, — обреченно пробормотал Гарольд. — В подвале. Там много еды, много вина и есть куда спрятаться.

— Карл, если ты сейчас промолчишь, то я очень удивлюсь, — негромко произнесла Эбердин, что-то изучающая в своем ученическом дневнике.

— Ты меня там с ним запри, — с готовностью отозвался Фальк. — Охотно составлю компанию. Очень я отощал на войне. И потом, спасая нашего друга от семейства де Фюрьи, ты толкаешь его на другую смерть — от вина. Все знают — пить одному вредно. А вдвоем — это уже не пьянство, это дружеская попойка.

— Не сгущайте краски, — посоветовала нам Розы. — Никто сразу нашего Эраста убивать не станет. И в первую очередь как раз потому, что он гость Монбронов Силистрийских.

— Тоже верно, — признал Гарольд. — Слушай, Розы, ты настолько расчетливая, что мне иногда страшно становится с то-

бой рядом стоять. Не должна девушка быть такой, не к лицу это тебе.

— К лицу, не к лицу. — Роза сначала скорчила забавную мордашку, а после ее голос внезапно похолодел: — Монброн, когда ты уже повзрослеешь? Да и вы, мальчики, тоже? Поймите вы, мир уже не будет прежним, таким, в каком мы до того жили. Он нам теперь чужой, и мы для него чужие. И воевать с нами по правилам тоже никто не станет. А война — она уже вокруг, неужели вы не видите? Гарью отовсюду тянет так, что дышать невозможно. Неужели вас даже последние события ничему не научили? Эраст всего-то на секунду расслабился, дал волю чувствам, сорвался — и вот результат, мы на этом суденышке плывем в Силистрию. Вроде бы пустяк, одно лишнее слово, и тем не менее. Причем я не уверена, что все на этом закончилось. Мне кажется, основные проблемы и последствия только на подходе, все, что до этого было, — так, мелочи. И с этим надо что-то делать. Вы не можете решить этот вопрос? Отлично, я это сделаю сама. Но и вы тогда ведите себя как мужчины, а не мальчишки. И не путайтесь у меня под ногами, хорошо?

Гарольд на это ничего ей не ответил, только помрачнел еще сильнее, а после тяжело вздохнул.

Что до меня, я с Розой был согласен, война и впрямь была вокруг нас. Вокруг меня так точно. Хоть формально советом магов претензии мистресс Эвангелин по убийству мною ее ученика, толстяка Прима, были признаны несущественными, это не особо что меняло. Агриппа, который навестил меня в последний вечер перед отплытием, мне про это сказал напрямую.

Меня тогда поразили две вещи. Первое — я был уверен, что ни его, ни мастера Гая в военном лагере уже нет, что они уехали. Второе, что меня окончательно обескуражило, — Агриппа не стал делать из своего визита особой тайны. Более того — он поймал на пристани Карла, который пер из сгоревшей деревни огромных размеров копченый свиной окорок, и попросил его позвать меня.

Хотя чего тут такого? Все знали, что он слуга мастера Гая, все знали, что мастер Гай вроде как друг нашего наставника. Мало ли что один маг хочет передать ученику другого через своего слугу? Тем более учитывая шаткое положение этого ученика. Дружба — понятие круглосуточное, особенно если себя ей не компрометировать.

— Это хорошо, что ты надумал убраться на время из этих земель, — без предисловий заявил мне Агриппа. — Мастер просил передать, чтобы ты теперь смотрел в оба. Эвангелин тебя, может, и не тронет, у нее память девичья, а вот ее ученики — это другое дело. Между прочим, они еще позавчера наняли трех неплохих бойцов. На самом деле неплохих. Особенно их старший... Очень приличная техника боя, слова дурного не скажу.

И он поковырял пальцем свой распоротый на боку кожаный жилет, который виднелся из-под плаща.

— Спасибо, — поняв, что к чему, сказал ему я. — Вот правда — спасибо.

— Я выполняю приказы мастера, — проворчал Агриппа. — Ты ему нужен живым, и дело только в этом. А так мне было бы все равно, прирежут одного молодого идиота, который не умеет держать язык за зубами и шпагу в ножнах, или нет.

— Это мне понятно. — Я тут же опустил глаза и виновато зашаркал ногой. — Так получилось.

— Получилось, — рыкнул Агриппа и вклепил мне увесистый подзатыльник. — Получилось у него. Эти слова к месту в разговоре с отцом, чью дочку ты обрюхатил, или с городской стражей, которая тебя из кабака выводит после хорошей потасовки. А тут — не тот случай. Прибить ученика другого мага! Да еще и Эвангелин, которая с мастером Гаем на ножах.

— Так она не знает, что я служу мастеру Гаю, — понизив голос до еле различимого шепота и вытаращив глаза, сказал я. — Я для нее ученик Ворона.

— Ты так уверен в том, что она ничего не знает? — ухватил меня за отросшую прядь волос, которая спадала на глаза, Агриппа. — Ты в этом уверен? И еще — ты уверен в том, что сможешь удержать это все в тайне?

— Не считай меня за идиота, — в данном случае почти совсем уж искренне заверил его я. — Сам же знаешь, что со мной будет после того, как я язык развяжу.

Ну на самом деле ничего со мной не случилось бы, как мне думается. Чем дальше я изучал магию крови, тем больше во мне крепла уверенность в том, что смухлевал тогда в сарае мастер Гай. Не было там никакого ритуала. Нет, некая волшебба была, усыпил он меня честь по чести, это без врак. Но вот все остальное... Взял он меня тогда на испуг и под этим соусом привязал к себе.

Хотя если здраво рассудить, выбора тогда у меня особо не было. Откажись я, усомнись или просто начни душить — и тот же самый Агриппа перерезал бы мне глотку.

Да и сейчас, по сути, немного изменилось. Мастер Гай все так же опасен, как скальная гадюка, чей яд убивает за четверть минуты, а Агриппа... Это Агриппа.

— А если ее ученики тебя прихватят и пятки как следует подкоптят? — дернул он меня за волосы. Мне было очень больно. — Или начнут по кусочкам резать? Или чего магическое учудят? Они способны на такое, я их видел. Можно подумать, что ты тогда язык не развяжешь.

— Пусть сначала прихватят, — зашипел я. — Ай, отпусти!

— Отпусти, — недовольно откликнулся Агриппа, но волосы мои выпустил. — Думай, парень, думай, прежде чем кого-то на тот свет отправить. Точнее — думай, кого убиваешь. Ну не по душе тебе был тот толстяк, мешал он тебе, так зачем же при свидетелях его протыкать? Есть куча других способов. В конце концов, меня бы попросил, я бы это все провернул как надо, как следует.

Если честно, у меня в этот момент впервые в жизни возникло ощущение, что меня отчитывает отец. Точнее — в моем представлении это, скорее всего, именно так и должно было выглядеть.

Сказать в свое оправдание было нечего, и потому я промолчал.

— Значит, так. — Агриппа высморкался. — Мастер одобрил то, что ты на время исчезнешь, это лучший вариант на текущий момент. И чтобы пару месяцев тебя в герцогствах видно не было. А летом, глядишь, и ситуация выправится. Могут появиться такие аргументы, при которых и Эвангелин, и ее ученички побоятся даже смотреть в твою сторону.

Значит, шансы на то, что мастер Гай все-таки займет место архимага в конклаве «Силы жизни», велики. Настолько, что он даже не боится сообщить об этом Агриппе.

Или он не доверяет мне настолько, что специально велел это сказать? Мол, я побегу к Ворону, а от того информация попадет к Эвангелин и Виталии?

Хотя нет. Все проще. Это мне голову заморочили так, что я везде ищу второе дно. И третье. И пятое.

— И вот еще что. — Агриппа цапнул меня за загривок и приблизил мое лицо к своему. — В Силистрии тоже смотри в оба.

Там сейчас времена беспокойные, насколько я знаю, наступили. Не такие, как здесь или на границе с эльфами, но все же. Не лезь на рожон, сначала думай, потом делай. И не оставляй свидетелей, если уж пустил кому-то кровь. Это Юг, там обиду помнят веками и никогда никому ее не прощают. И еще это... С девками поосторожнее. Кровь у них горячая, чуть что не по их нраву, так сразу или яд в вино сыпанут, или кинжал под ребра воткнут.

— Какие девки? — захолопал глазами я. — Мне бы от своих, местных отдохнуть. Я там планирую вино пить, в море купаться и на солнышке греться.

— Коли так все выйдет, буду за тебя рад. — Агриппа отпустил меня. — И не забывай, если что, есть еще одно место, где ты можешь отсидеться.

Он достал из напоясной сумки пергамент, тот самый, который закреплял за мной права на наследование поместья в Лесном крае, показал его мне, а после огорошил неожиданной новостью:

— Я нанял несколько слуг и отправил их в твои земли. Запомни их имена — Вальтер, Аделард и Горст. Все из бывших вояк, все знают, что именно ты хозяин этих земель, тебя я им описал.

— А зачем это все? — изумленно спросил у него я.

— Затем, что у тебя должно быть хоть какое-то место в Рагеллоне, где ты сможешь перевести дух и отсидеться, — выкатив глаза, рыкнул Агриппа. — Эти трое все там изучат, если надо, наймут еще слуг. Случись что, ты приедешь не на пустое место. Кстати, вот тебе карта. Ты же даже не знаешь, где твои земли находятся.

И Агриппа протянул мне свиток, перевязанный шнурком.

— Спасибо. — В горле у меня отчего-то запершило. — Слушай, но это ведь все денег стоило, может, я...

Буммм. От очередного подзатыльника у меня снова зазвенело в ушах.

— Не для тебя стараюсь, — процедил Агриппа. — Для нашего хозяина.

Интересно, а наш хозяин вообще в курсе, что у меня в имении слуги появились и что кое-кто обо мне вот так заботится? Но спрашивать про такие вещи Агриппу я точно не стану, здоровье дороже.

Да и ни к чему это. Пусть все будет так, как будет.

— К слову... — Агриппа запустил руку в сумку и перебрал мне небольшой мешочек, в котором приятно звякнули монеты. — Здесь немного, но ты и едешь на все готовое. Гостеприимство Монбронов Силистрийских общеизвестно. Если ты хоть раз был приглашен за их стол, то можешь с этого момента занимать место за ним до самой своей смерти, и никто у тебя не спросит, кто ты таков.

— Как они до сих пор не разорились? — впечатлился я. — Но мне это на руку. Хоть отъемся.

— Скорее Силистрия обнищает, чем они разорятся. — Агриппа снова дернул меня за челку. — И слушай, подстригись, что ли. Не ровен час, они тебя за слугу примут!

На том мы и расстались с Агриппой. А вот сегодня Розы, по сути, его словами говорит. Нет, возможно, они и правы, но вот только зло берет. Все такие умные, все такие знающие, один я, выходит, дурак.

Да если и так, то выживать все равно придется мне, а не им.

Впрочем, вру. Сейчас мои шансы стали чуть выше, чем раньше. Теперь у меня есть друзья, и они на самом деле готовы встать на мою защиту. К мысли этой я все еще до конца привыкнуть не могу, но кое-как она у меня в голове закрепилась.

Другое дело, что их помощь разной может оказаться. Если Гарольд и Фальк просто встанут со мной плечом к плечу, то Розы... Вот она — сама непредсказуемость. Сначала мне казалось, что эта парочка от скуки с нами увязалась, но, похоже, я ошибся. У нее, оказывается, имелся четкий план, и сейчас она его воплощает в жизнь. Я ведь поднабрался за эти два года знаний о том, как устроен мир благородных, а потому догадываюсь, что она решила устроить. Монброн же, похоже, вообще сразу сообразил, что к чему.

На самом деле все просто.

Я буду гостем дома Монбронов, и де Фюрьи, несмотря на всю свою влиятельность, трогать меня не станут. По крайней мере — официально. Законы чести, давние родственные связи, традиции и прочие условности — это надежная защита.

Родня Розы, как и было сказано, примчится посмотреть на дочь и ее любовника. Не удивлюсь, к слову, если придет даже ее матушка. Хоть Розы и отрезанный ломоть, но честь семьи — это честь семьи, и даже если она теперь ученица мага, а в прошлом «ничья невеста», то это ничего не меняет. Репутация рода должна быть безупречна. В безалаберной Силистрии или

в герцогствах на ее проделки, возможно, и посмотрели бы сквозь пальцы, но не в чопорном Асторге. Плюс не забываем о смеси королевских кровей, текущих в ее жилах.

Короче, меня предьявят родне, и хоть та меня почти наверняка не одобрит, это ничего не изменит, поскольку выбора особого не будет. После чего я, скорее всего, стану официальным женихом хитроумной госпожи де Фюрьи. Мужем — вряд ли, до такого маменька Рози дело довести не даст, но женихом — точно.

И с того момента любой, кто посягнет на мою жизнь, получит кучу проблем, поскольку семейство моей будущей невесты никому не спускает обид. Даже если они нанесены такому бесполезному существу, как я. Ну, с их точки зрения — бесполезному.

Насколько я помню, с родом де Фюрьи считается даже орден Истины. Что уж говорить о каких-то магах-недоучках.

Одно мне непонятно — на кой все это Рози? В смысле, зачем она за меня так хлопочет, даже вот в это путешествие отправилась. Нет, я помню те планы нашей общей будущности, которые она мне прошлой весной излагала, но тогда я счел их если не шуткой, то иронией.

А если нет? Если она говорила всерьез?

И все-таки — почему я? Ведь есть же на это какая-то причина? Но какая? В этом обязательно надо разобраться. И я разберусь, уж чего-чего, а времени у меня в достатке. Путь до Силистрии неблизкий.

ГЛАВА 2

Самое забавное, что я ошибся. В том смысле, что в Силистрию мы попали раньше, чем ожидали. Просто изначально подразумевалось, что мы погостим денька три у графа Лотара, познакомимся с его семьей, съедем подходящее количество блюд и выпьем положенное количество вина. Для людей нашего круга положенное. Графа не смущало то, что все мы вроде как уже и не представители в большей или меньшей степени знатных фамилий, а почти изгои. Тут, на Юге, отношение к этому другое. Коли ты рожден благородным, то таким и останешься до самой смерти.

Так вот, сначала погостим, а после сядем на лошадей и поедем себе дальше, к конечной точке путешествия.

Мы думали, что будет так. А оно возьми да и обернись по-другому. Накануне прибытия на родину графа за ужином он сообщил нам, что мы можем продолжить путь на его корабле дальше, напрямик до Форессы, столицы Силистрии. Мол, плывите, ребятки, и вспоминайте меня добрым словом.

Не знаю, что явилось причиной такого решения — заметная ли всем нервозность Гарольда, который рвался домой, или что-то еще, но нас всех это сообщение очень порадовало. Если честно, очень не хотелось снова трястись в седле. Да и потом — всем нам еще было очень памятно прошлогоднее путешествие. Понятно, что глупо проводить параллели между теми дикими местами, по которым мы шатались, и густонаселенным Югом, но все же...

— Я думаю, что так будет лучше для всех, — закончил свою речь граф Лотар, поднимая серебряный походный стаканчик с вином. — Но настоятельно требую, чтобы на обратной дороге вы непременно посетили мое скромное жилище хотя бы на один день. Если этого не случится, я буду очень, очень опечален. Более того, я сочту это оскорблением своего рода.

— Непременно, — радостно ответил Гарольд. — К тому же я не прошу себе, если мои друзья не попробуют ваших знаменитых жареных перепелов в вишнево-медовом соусе.

Карл заерзал на стуле. Судя по всему, он уже хотел попробовать это блюдо.

— Помнишь их вкус до сих пор? — Лотар потрепал Гарольда по голове. — Да, это наш семейный рецепт. Кстати, моя старшая дочь Бьянка прекрасно их готовит. Заметьте — сама готовит. Она у меня такая, не чурается истинно женской работы.

Мы все уже знали про то, что Бьянка, старшая дочь графа Лотара, — большая умница, рукодельница и вообще идеальная хозяйка, которая не даст спуску слугам, сбережет дом и приумножит состояние семьи.

Нет, так-то граф Лотар отличный дядька, но вот этими рассказами о дочери он нас всех уже изрядно утомил. Особенно же доставалось Гарольду, которому он явно прочил ее в жены. И его совершенно не смущал тот факт, что Монброн в своем новом статусе менее всего для этого подходит.

Хотя, возможно, он по врожденной простоте душевной просто не особо задумывался о том, кем мы все являемся. Ну ученики мага и ученики мага, мало ли какая блажь молодым людям в голову взбредет? Фамилия-то родовая у Гарольда никуда не делась. И состояние его семьи — тоже, не говоря уж о положении при королевском дворе. Главное — пусть женится, а там видно будет.

Ради правды, меня еще смушал тот факт, что эта Бьянка, по сути, Монброн приходится троюродной сестрой, но Роза мне объяснила, что тут, на Юге, подобные браки совершаются сплошь и рядом. Троюродные — это еще ничего, тут и союзы между двоюродными братьями и сестрами нередки. Бывает и еще похлеще, между родными, это когда состояние из семьи в виде приданого род выпускать не хочет, но это уже не приветствуется. Велика опасность того, что от этой связи на свет может появиться существо с внешностью человека и душой демона. Случалось такое уже. Лет двести назад подобное существо кучу народу вырезало, собрав под свою руку целую армию отребья, которого в любом городе полно. Нищие, бездомные, «солдаты удачи», просто бездельники, наконец. Этот выродец сколотил из них войско, захватил несколько крепостей и даже пару городов, где устроил настоящую бойню. Кровь в них, если верить рассказам, по улицам ручьями текла. Объединенное войско Юга при поддержке магов его еле-еле прибить тогда смогло. И командовал этим войском, между прочим, прапрадед Гарольда.

— Непременно заедем, дядя. — Монброн опрокинул в рот стаканчик вина. — И передай Бьянке, что я целую ее руки.

Граф Лотар расплылся в улыбке и снова потрепал моего друга по голове. Отчески так потрепал. Я бы сказал — по-семейному. Практически по-родственному.

Интересно даже глянуть, что там за Бьянка такая.

Вот мне и очередной урок. На вид-то граф простоват, а на деле все он отлично просчитывает. Наведайся мы к нему сейчас — и толку от этого было бы мало. Мой друг рвался бы домой, и в лучшем случае все бы закончилось скомканно.

А вот на обратной дороге — другое дело. Все дела так или иначе разрешились, все в хорошем настроении, все расположены друг к другу, можно и перепелов в вишнево-медовом соусе покусать. Из рук красавицы Бьянки.

Ну а если все закончится не в нашу пользу, так и вовсе потерь никаких. Никто просто до гостеприимного графа Лотара не доедет, потому что мы будем мертвы. При любом раскладе он в выигрышном положении.

В результате утром один из двух кораблей графа, которые были получены им в качестве военной добычи, повернул к гаваням прекрасного белокаменного города, что раскинулся на зеленых холмах и был ярко озарен утренним солнышком, а второй, на котором были мы, продолжил плавание.

— Если бы я остался тем, кем был, мне бы точно пришлось на этой Бьянке жениться, — заметил Монброн, махая рукой графу Лотару, стоящему на корме корабля и смотрящему на нас. — Что застыли? Улыбаемся и машем! Человек нам столько добра сделал.

— А что, эта Бьянка страшна как смертный грех? — полюбопытствовал Карл, выполняя вышеизложенную просьбу и размахивая руками так, что это было похоже не столько на «прощайте», сколько на «спасите». — Или у нее изъян какой есть?

— Да откуда мне знать? — ответил ему Гарольд. — Я ее видел в последний раз лет пять назад, ей тогда только-только одиннадцать исполнилось. Плотная такая девчонка, из-за щек ушей не видно.

— А если вспомнить про ее любовь к готовке, то, надо полагать, не сильно она и изменилась с тех пор, — резонно заметил я.

— Я в ее годы тоже толстой была, — заступилась за многострадальную Бьянку Роза. — Все платья по шву трещали. А сейчас?

И она обхватила свою талию ладонями. Нет, пальцы рук не соединились, но все равно смысл данного действия был предельно ясен.

Эбердин насупилась и начала что-то насвистывать. Ее талию обсуждать не имело смысла за неимением оной. Нет, толстой она не была, просто строение фигуры такое.

— Ну да ладно, — верно расценила поведение подруги Роза. — Это все не так и важно. Скажи, Монброн, тебе граф ничего не рассказывал о том, что происходит в Форессе? В смысле, в твоём семействе? Из того, что мы еще не знаем?

Надо заметить, что секрета из цели нашей поездки Гарольд не делал. Мы с Карлом были в курсе его дел изначально, да и

для Розы это особой тайной не являлось. Тем более именно она прошлой осенью привезла ему весть о том, что Монброн-старший захворал, а его брат, которого звали Тобиас и который соответственно приходился Гарольду дядюшкой, тут же начал копать под родича при дворе и накладывать свою лапу на семейные капиталы.

Собственно, потому Гарольд так и рвался домой. Дела семьи — это святое, даже мне, почти всю жизнь бездомному и безродному, это было ясно.

— Увы, увы, — покачал головой мой друг. — То ли в самом деле ничего не знает, то ли предпочел отмолчаться. Но я не напирал на него. А зачем? Если все пойдет удачно, завтра ночью, в крайнем случае — послезавтра утром, мы будем в столице и все узнаем сами, из первых рук.

— Может, ты и прав, — признала Розы. — Тем более что иногда вести, проходя через несколько рук, изрядно преобразуются. Строишь на их основании один план, а на деле оказывается, что требуется совсем другое.

— Ветер попутный. — Карл, который в последнее время с удовольствием изображал из себя бывалого моряка, поклонявил палец и вытянул руку вверх. — Быстро добежим до Силистрии.

Он так и не понял, похоже, почему мы дружно расхохотались.

Правы оказались они оба — и Карл, и Гарольд. И ветер был попутный, и в Форессу мы прибыли в ночь. Точнее — изрядно за полночь.

— Вот куда мы премся? — ворчал я, затягивая пояс и зевая. — Темень какая, глаз коли. Два часа еще до «волчьей стражи», если не больше. Давай тут до утра побудем, а потом по светлому и пойдем.

— Согласен, — с хрустом потянулся Карл. — Монброн, не дури. Город спит, и домашние твои — тоже. Вон даже портювые — и те дрыхнут.

Это было так. Нет, фонари у пирсов горели, маяк на высоком утесе, находящемся лигах в шести от порта, ярко светился, и даже какой-то служитель, после того как мы пришвартовались в гавани, зевая, взошел на борт, дабы выяснить, кого демоны принесли посреди ночи. Но в целом на территории порта царили темень и тишина.

Я был удивлен. У нас в Раймилле порт не спал никогда. Да и как это могло произойти? Ночь в приморском городе не предназначена для сна. Рыбаки затемно выходили в море ловить макрель и тунца, за которыми утром на рынок приходили грудастые кухарки, контрабандисты у дальних причалов разгружали свои когги и фелюги, за ними присматривали таможенники, имеющие свою десятину от привезенных товаров, гудели кабаки и таверны, в которых пил, веселился и дрался морской люд, черпая полной ложкой все радости жизни. Да, добавьте сюда еще стражников, воров и шлюх, которые тоже все время ошивались на портовой территории.

Семь демонов Зарху, да у нас в порту ночью было многолюдней, чем днем. А здесь — нет. Тихо как на кладбище.

Странно, я почему-то думал, что южные города вообще никогда не спят. По крайней мере, по рассказам Гарольда все выходило именно так.

— Так оставайтесь, в чем же дело? — Монброн подтянул перевязь и проверил, легко ли выходит из ножен шпага. — Утром я пришлю за вами слугу, он сопроводит вас в мой дом. А я отправляюсь прямо сейчас.

— Все-таки ты ужасно упрямый. — Роза накинула на плечи плащ. — Хотя будь ты покладистым, как твой брат Генрих, можно было бы говорить о вырождении Монбронов Силистрийских. Эраст, а ты знаешь, что одного из его предков казнили только за то, что он не пожелал согласиться с точкой зрения тогдашнего монарха?

— Это как? — заинтересовался я.

— Очень просто, — хмуро ответил Гарольд вместо Розы. — Леокадий Второй, прадед нынешнего короля, утверждал одно, а один из моих пращуров говорил другое, не желая с ним соглашаться. Непосредственно предмет спора сейчас уже никому не известен, но не подлежит сомнениям тот факт, что мой предок взошел на эшафот, но с королем так и не согласился.

— Ты не обижайся, Монброн, но не сильно был умен твой предок. — Эбердин накинула на плечо ремень сумки. — Положить голову на плаху из одного упрямства — это блажь, а не подвиг.

— Чего тут обижаться? — даже не стал с ней спорить Гарольд. — Блажь и есть. Точнее — бессмысленное упрямство. Родовая черта характера. Не удивлюсь, если когда-нибудь именно она меня и погубит.

— И заодно тех, кто будет рядом с ним, — тихонько шепнула мне на ухо Роза. — Но я за тобой присмотрю.

— Только на то и надежда, — хмуро ответил я и рывкнул на Фила, который упирался всеми ветками, не желая лезть в мешок: — Да что мне тебя, скрутить, что ли?

Врать не буду — я сто раз пожалел, что решил взять его с собой. Очень много было от него неудобств в плавании. Во-первых, всю дорогу приходилось его прятать в трюмном закутке, в том самом, где для наших спутниц создали нечто вроде отдельных покоев. Проще говоря — огородили угол, да и все. Сказать, что Роза была от этого не в восторге, — ничего не сказать. Но деваться некуда — терпела, поскольку показывать мое беспоконное ручное растение суеверным морякам совершенно не хотелось. Кто знает, как бы они на него отреагировали? Может, посмеялись бы, а может, за демона приняли и изничтожили от греха. И нас до кучи в море побросали. А потом еще и ордену Истины про случившееся рассказали бы.

Во-вторых, самому Филу очень не нравилось морское путешествие. Он маялся в темном трюме, потому как любил свободу, простор и солнце, здесь же не имелось ни того, ни другого, ни третьего.

Да еще и Карл то ли случайно, то ли нарочно несколько раз на него наступил, заслужив тем самым нелюбовь Фила и признательность Розы.

Потому сейчас мой питомец, разозленный и раздраженный до крайности, упрямо не желал лезть в холщовый мешок. Он сопротивлялся изо всех сил, махая отросшими ветвями, шелковая соцветием-клювом и упирався корешками в доски пола.

— Фил, ну что ты как незабудка какая-то ломаешься? — не выдержал наконец Гарольд. — Как ты еще собираешься по горю передвигаться?

Мой питомец замахал ветвями и зашелестел вновь выросшей за плавание листвой, заверяя, что он о-го-го как может передвигаться. Побыстрее остальных.

— Оставить его здесь, — посоветовала Роза. — Пусть из него морячки зубочисток наделают. Или суп сварят.

— Тьфу ты. — Карл нахлобучил на голову шляпу, взял у меня мешок и навис над Филом. — Значит, так, зеленый, все очень просто. Вот это мешок, вот это моя нога. У тебя есть выбор — либо ты сам в него лезешь, либо я тебя своей ногой туда запихну. Ну?

Фил повертел соцветием, недовольно потряс листьями и полез в мешок. Карла он боялся.

— Вот, — удовлетворенно сообщил всем Фальк. — А то разговоры, уговоры. Все просто в этой жизни. И еще, Эраст. Мешок я понесу, а то он тебе покою не даст. А у меня смиреннько сидеть будет, не шевелясь, потому как я щекотку не люблю. Ты слышал меня, зеленый?

Ответа не последовало, но мешок шевелиться сразу же перестал.

Мы попрощались с капитаном, Монброн высыпал ему в ладонь десяток монет, надо полагать, последние, что у него были, и попросил еще раз передать нашу устную благодарность графу Лотару, а также заверения в том, что мы непременно наведаемся к нему в гости. На том мы и покинули корабль, который в последнее время стал для нас домом.

Город был не менее темен, чем портовая территория. Редкие масляные фонари освещали пустынные узенькие улочки, на которых не оказалось не то что прохожих, но даже и патрулей стражи.

— Невесело тут у вас, — пробасил Карл, опуская ладонь на рукоять шпаги. — Ты вроде говорил, что Форесса — на редкость веселый город. Ну и где бордели, кабаки и прочие увеселительные заведения?

— В центре города, — ответил Гарольд, быстро шагая по брусчатке мостовой. — Там это все есть. Здесь Черный город, кварталы мастеровых, ремесленников, портовых служащих. Им ночная жизнь ни к чему, у них другие интересы. Кстати, там, куда мы идем, тоже будет тихо и спокойно. Белый город в этом от Черного не отличается. Света разве что у нас куда больше.

— Дай угадаю, — попросил я. — А в Белом городе живут благородные и придворная знать?

— Не угадал. — Монброн остановился, повертел головой и свернул в совсем уж узенький переулок. — Точнее — угадал отчасти. Придворные все живут близ королевского дворца. А у нас, в Белом городе, обитают представители старинных фамилий, нобили, сделавшие состояние на торговых операциях, и просто люди с деньгами. В Силистрии, в отличие от королевств Запада, уважают тех, кто смог подняться из низов и сколотить себе состояние. А ну брысь!

Эти слова он адресовал нескольким теням, возникшим в арке, что была у нас на пути. Оклика и бряцанья шпагой для теней оказалось достаточно. Они мелькнули в неверном свете фонаря и исчезли.

— Как ты здесь ориентируешься? — жалобно спросила у Монброна Роза. — Я бы даже днем тут заплутала.

— Это мой город. — Монброн шумно втянул воздух ноздрями. — Это мой дом. Как я тут могу заблудиться? Боги, как же я скучал по нему! Ну же, вдохните поглубже. Только здесь так пахнет ночь. Здесь и нигде больше.

— Да брось ты. — Карл сплюнул в сторону. — Сточные канавы везде пахнут одинаково.

Тут я был с ним согласен. Не знаю, как в Белом городе, а здесь вонь стояла преизрядная, судя по всему, нечистоты сливали прямо на улицу.

— Да ну тебя! — возмутился Гарольд. — Вот приедем в Лесной край, я про него тоже гадостей наговорю!

— Не наговоришь, — уверенно заявил Карл. — Не успеешь.

— В смысле? — опешил Монброн.

— Мы начнем пить гораздо раньше, — пояснил Фальк. — В первом же поместье, если быть более точным — у барона Риволя. У нас там городов нет, одни поместья, зато в каждом из них варят свой собственный сорт пива или эля. И кабачок при поместье есть, где его попробовать можно. Наши пивоварни вообще местная достопримечательность, и путь по Лесному краю так и называют: «Пьяная дорога». Пока мы до моего папы доберемся, знаешь как надеремся! Эраст, подтверди.

— Так и есть, — привычно поддакнул Карл.

— Ну вот. — Здоровяк на чем-то поскользнулся, чуть не упал, выругался и продолжил: — А ты, когда пьяный, всегда добрый.

— Я тоже с вами поехать хочу, — внезапно подала голос Эбердин. — Это может быть небезынтересно.

— О чем речь, — повернул к ней голову Карл. — Почему нет? А потом мы еще кабана затравим и зажарим. И на медведя сходим. И на лося.

— Хорошее дело. — Эбердин повела носом и сморщилась. — А воняет тут и правда гадко.

— Это еще ничего, — с холодком в голосе, как видно, все же обидевшись за свою родину, сказал нам Гарольд. — Вы в катакомбах не были, что под городом. Вот где смрад и мрак. Туда

даже не всякий стражник рискнет отправиться. Там все городское отребье проживает.

— Ты там, разумеется, побывал, — с уверенностью произнесла Роза.

— А как же, — не без гордости ответил Монброн. — Три раза. Правда, после третьего я сказал себе, что хватит искать настолько острых ощущений. Я тогда чуть не умер, мне изрядно распороли бок, а клинок, которым это сделали, был измазан в человеческом дерьме.

— Скверная рана, — в один голос сказали я и Карл.

— Не то слово. — Гарольд потер правый бок. — Если бы не королевский маг, то не идти бы мне сейчас здесь с вами. Он тогда заразу из моей крови вытравил.

Про такое я слышал. Если дерьмо, человеческое или звериное, попадает в кровь, то все, пиши пропало. Сгоришь за пару дней, причем в жутких муках.

Нет, не хочу я в катакомбы под городом. Тем более что в Раймилле я в подобных бывал. И вправду гиблое место. Для чужаков, разумеется.

Тем временем переплетения улочек Черного города закончились, мы оказались на широкой улице, где было значительно светлее и даже обнаружилась кое-какая ночная жизнь, а именно — несколько кабачков, которые, несомненно, работали.

— Пивка бы, — с тоской глянул на вывеску одного из них Карл. — По кружечке. И дальше побежим. Монброн, пять минут ничего не решат. И название у этого заведения хорошее — «Давай, выпей меня».

И вправду, кабачок именно так и назывался. Надо полагать, речь шла про огромную кружку, вырезанную из жести и красовавшуюся над крышей.

— Он шутит, — жестко сказала Роза и ударила здоровяка кулаком в плечо. — Поддерживает свою репутацию. Сам понимаешь, Фальк будет не Фальком, если пройдет мимо кабака и не скажет, что туда надо заглянуть. Да, Карлуша?

— Да, — с печалью глянул на жестяную кружку Карл. — Шучу я.

Как по мне, то это и в самом деле был уже перебор. Если уж сорвались в ночь, то надо дойти до цели без остановок. Да и видно было, что Гарольд еле сдерживается от того, чтобы не перейти на бег.

Улица становилась все шире и вскоре привела нас на главную городскую площадь, как видно, ту самую, где и шло еженощное веселье, про которое рассказывал нам Монброн. Это, конечно, был не карнавал вроде того, что мы видели в Форнасионе, когда находились в гостях у Луизы, но происходящее все же впечатляло. Много тут сновало народу, причем самого разного. Бродячие артисты, богато одетые аристократы, девицы всех мастей. Да и нашего брата вора хватало, я безошибочно определил как минимум пяток своих бывших коллег по ремеслу.

Многие из присутствующих, кстати, узнали Гарольда, поскольку то и дело из толпы его кто-то окликал, а пара девиц разве что только на шею ему не повесилась.

Он отделялся улыбками и короткими фразами, ни на секунду не останавливаясь с кем-то поболтать. Хотя, как мне думается, это было бы не лишним. Узнавать новости лучше всего вот от таких людей. Они хоть, может, и добавят от себя разной ерунды, но зато в целом расскажут все так, как есть. Им искажать действительность резона особого нет. Точнее — нет им в этом выгоды. Приукрасить произошедшее могут, но вот сознательно сбивать с толку не станут. А словесную шелуху и придумки всегда отделить от рассказа можно.

Площадь была велика, но и она все же закончилась. Перед нами были две дороги. Одна вела налево, к темным величественным громадам башен, мрачно смотревшимся на фоне ночного неба. Другая — направо.

— Королевский замок, — показал на башни Гарольд.

— Нам туда пока не надо, — зевнула Роза. — Нам бы к тебе в гости попасть да спать лечь.

— Так в чем дело? — Монброн двинулся по правой дороге. — Мы почти пришли.

И действительно — вскоре шум ночного веселья стих и мы снова оказались на тихих улочках спящего города. Правда, тут мостовые были пошире, фонарей горело побольше и дома оказались не чета приземистым строениям Черного города. И еще здесь воздух был чистый.

Но вот что интересно — городской стражи и здесь не оказалось. В этом городе она вообще есть? Хотя что там стража. Я недоуменно смотрел на дома, которые от дороги были отделены только арками без ворот и низенькими, такими, что через них можно перешагнуть, заборчиками. Никогда до того не ви-

дал, чтобы богачи не отгораживались от остального мира стражей, замками и стенами.

— Слушай, а у вас тут, в Силистрии, что, никто никого не боится? — спросил я у Монброна, ткнув пальцем в сторону очередной арки и очень богатого на вид дома, стоящего поодаль от нее в тени раскидистых деревьев. — Здесь только вывески для лихих людей не хватает вроде: «Заходи и бери что хочешь».

— Сюда ни один лихой человек не сунется, — на ходу пояснил Гарольд. — А особенно — в этот дом. Здесь живет Анго Фуэн.

— Стало намного понятнее, — сказал мне Карл. — Если это дом самого Анго Фуэна, то, ясное дело, к нему никто не полезет.

— Зря иронизируешь, — без тени шутки произнес наш друг. — Фуэн — один из «ночных королей» Форессы. В нашем городе нет ни одного нищего, который не платил бы ему со своего дохода. Если ты бросил грош побирушке, то можешь быть уверен, что треть от этого гроша оседет в карманах Фуэна. А вон в том доме с золотыми колоннами обитает Сезар Руан. На его руках крови больше, чем у иного палача, он глава Гильдии наемных убийц.

— То есть всем известно, чем промышляют эти господа, и все равно власти города дают им жить здесь спокойно? — Я даже остановился от удивления. — Однако!

— Отец всегда утверждал, что с бесстыдством Силистрии в Рагеллоне не может соперничать никто, — сообщила мне Роза, подтолкнув в спину. — Даже городок под названием Эйзенрих, в котором, по слухам, живут одни продажные девки.

Карл и Гарольд понимающе переглянулись и подмигнули друг другу. Кто-кто, а они-то знали, что все рассказы про Эйзенрих — чистая правда. Помню я их помятый вид после ночного загула в этом самом городе.

А вот мне в этой связи рассказать нечего, не довелось как-то вкусить от тамошних грехов. Правда, и без приключений я не остался. Я в Эйзенрихе свел знакомство с мистресс Виталией и после него еще недели две просыпался в холодном поту. Да и сейчас, бывает, мне под утро снится та ночь и ощущение собственного бессилия перед мрачной мощью этой женщины. И еще то, что я снова ослеп, как тогда, в покоях публичного

дома. Пусть это длилось и недолго, но страх того, что подобное может повториться, со мной останется навсегда.

— Впечатлен, — признал я, догоняя Гарольда. — Но зато теперь понятно, почему здесь никто не боится ночных работников. И правда, кто сюда сунется?

— Верно, — подтвердил тот. — Кто здесь попробует хоть что-то украсть, тот на этом свете не задержится. Очень удобно. Хотя, ради правды, обитатели Белого города из числа старых фамилий всегда были против соседства с подобными личностями, даже несмотря на подобную пользу. Много было в свое время по этому поводу копий сломано, только без толку. Короля такое положение вещей устраивает, а с ним в Силистрии никто не спорит. Разве что только палач, у него есть такое право, подтвержденное соответствующей грамотой.

Мы миновали квартал зажиточных граждан. Наш друг, как оказалось, проживал еще дальше, на своеобразном холме, возвышавшемся над Белым городом. Там были уже не просто богатые дома, там разместились замки старых фамилий королевства, «старого золота», как тут говорили, — с башенками, круглыми куполами, узкими окнами-витражами, разве что без крепостных рвов и подвесных мостов. А вот стены вокруг наличествовали. Правда, не такие, как в герцогствах, которые, в случае чего, штурмовать надо с лестницами и требушетами, но все равно основательные, в два человеческих роста.

И родовое гнездо Монбронов Силистрийских окружала такая стена — крепкая и добротная. Впрочем, здесь все было сделано на совесть, в том числе и ворота — массивные, чугунные, с завитушками, увенчанные острыми пиками. А еще над ними красовался герб — огромный, с меня размером, словно кричащий о знатности фамилии, проживающей здесь.

Врать не буду — впечатляло это все. Особенно герб. Сдается мне, что на буквы, складывающиеся в девиз «Презрев смерть, дойти до цели», пошло настоящее золото, а не краска.

— Внушает, — одобрил и Карл увиденное, а после тряхнул мешком, в котором, как видно, завозился уставший от тесноты Фил. — Да угомонись ты, почти пришли. Гарольд, чего стоишь? Давай в колокольчик позвони или еще чего сделай. Как тут у вас заведено?

— У нас тут привратник всегда был, — немного растерянно ответил ему Гарольд. — Наша фамилия гостеприимна и хлебо-сольна, потому друзья семьи могли посещать наш дом в любое

время дня и ночи. Днем ворота всегда были открыты, а ночью вон у той калитки всегда находился привратник, дядюшка Джок. Ну или его сын. А сейчас их здесь нет и закрыто все. Сколько живу на свете, никогда такого не видел.

Карл еще раз тряхнул мешок, подошел к калитке, подергал ее, а после несколько раз ударил по ней кулаком.

— Открывай! — заорал он. — Молодой хозяин приехал. Хорош спать!

— Нет, все-таки в вас, уроженцах Лесного края, есть что-то такое дикое, первозданное, — сообщила мне Роза, кутаясь в плащ. Несмотря на то, что мы были на Юге, под утро здесь становилось прохладно. — Вы очень быстро принимаете решение в ситуациях, которые нас ставят в тупик своей непривычностью.

Карл орал еще минуты три, пока наконец за калиткой не раздались шаги.

— Чего надо? — спросил оттуда чей-то сонный голос. — Поди прочь, пьянчуга, пока я на тебя собак не спустил!

— Джок! — обрадовался Гарольд. — Джок, почему все закрыто? Что происходит?

— Месьор Гарольд? — неуверенно произнес голос. — Это вы? Вы живы?

ГЛАВА 3

— Как мило! — Роза всплеснула руками. — Монброн, так ты, оказывается, мертв?

— Судя по всему — да, — немного ошарашенно ответил ей Гарольд и крикнул: — Джок, это я. Живой и здоровый. Открывай!

— Не обессудьте, месьор, но тут такое дело... — Человек, находящийся за калиткой, явно колебался, принимая решение. — Скажу прямо — бывает всякое. Мой дед рассказывал, что по ночам, в час «волчьей стражи», особенно весной, приходят под двери разные твари, говорят по-людски, а сами при этом не очень-то человеки.

— Проще говоря, Монброн, у твоего привратника нет уверенности в том, что ты не выходец из-за Грани, — влезла в разговор Роза. — Ведь так, Джок?

— Ваша правда, мистресс, — подтвердили из-за калитки. — Да и вы, воля ваша, возможно, не очень-то девушка.

— Что? — не знаю отчего, но это высказывание привратника изрядно рассердило Розы и рассмешило Карла, который тут же расхохотался. — Ах ты, мерзавец!

— Самое забавное, что я даже не представляю, как доказать Джоку, что я живой и настоящий, — обратился к нам Гарольд.

— Все очень просто, — отсмеявшись, Карл вытер слезы, выступившие у него на глазах. — Давай я перемахну через забор и открою дверь, вот и все. А после этого тебе уже будет без разницы, что там думает твой слуга. Но вообще, это безобразие. Если бы кто-то из слуг моего папаша начал раздумывать над тем, пускать меня в отчий дом или нет, то самое малое, чем бы он отделался, — это сломанные ребра.

— У меня здесь собаки, — сообщил Джок, слышавший наш разговор. — Полезете через забор, я их спущу. А еще кликну охрану месьора Тобиаса. Имейте в виду, что они все в прошлом — воины королевской стражи, да к тому же вооружены.

— Тобиаса? — Монброн помрачнел. — А что люди дяди делают в моем доме?

— Охраняют своего месьора, что же еще? — изумился слуга.

— Но почему здесь? — повысил голос Монброн. — У него есть свой дом!

Вот так так! Сдается мне, что этот дом теперь тоже его. Добился своего дядюшка Тобиас.

Еще это означает, что отец Гарольда мертв, при нем живом, полагаю, подобное было бы невозможно. И старший брат тоже, надо думать, уже за Гранью.

Если я прав, то лучше нам всем оказаться подальше отсюда, а то ведь дядюшкино вранье может стать правдой. Вряд ли ему нужен живой Гарольд, не просто же так он его похоронил. Вот только вряд ли эти мои соображения найдут практическое применение. Теперь Монброн отсюда не уедет, пока во всем не разберется. Или не умрет.

Впрочем, может, я и не прав. Может, дядюшка здесь заночевал просто так, по-родственному.

— Джок, отчего ты молчишь? — Гарольд забарабанил в дверь. — Отвечай, я приказываю! И открой мне дверь, если не хочешь, чтобы утром тебе кожу со спины плетью спустили! Клянусь кровью богов, я лично прослежу, чтобы мой приказ был выполнен, и не пожалею пригоршни золотых для умель-

цев с конюшни, которые будут трудиться над тобой! И морской соли, которой тебе будут эту спину посыпать, я тоже не пожалю!

— Молодой хозяин вернулся! — с радостью в голосе сообщил нам Джок и загромыхал засовом. — Вот теперь я вас узнал!

Ух ты. Судя по всему, до Вороньего замка Гарольд смиренным характером не отличался. Нет, он и сейчас не подарок, разумеется, но раньше, похоже, невыполнение его приказов дорого обходилось тем, кто не принимал их во внимание.

Калитка распахнулась, и из нее буквально выкатился невысокий толстячок, абсолютно лысый, с носом, похожим на сушеную грушу.

— Месьор Гарольд, — заморгал глазами он, глядя на моего друга. — Месьор Гарольд! Как нам вас не хватало! Зачем вы уехали?

— Объясни мне, Джок, что здесь делают люди моего дядюшки? — цапнул Монброн толстяка за отвороты холщовой жилетки. — И самое главное — что с отцом? Как он?

— Помер хозяин, — пробормотал Джок, его щеки затряслись, и из глаз покатались крупные, с горошину величиной слезы. — Месяц как. Очень вас перед смертью видеть хотел, все повторял: «Лучше бы я его женил». Письма вам писал, много, каждый день. И матушка ваша писала.

— Письма? — Гарольд отчего-то посмотрел на меня. — Я ничего не получал.

— И не мог получить, — почесал бок Карл. — Мы на войне были, а они, небось, в замок доставлялись. Это если вообще письма в замок попали. Ворон такое дело не приветствует, ты же знаешь.

— Ворон этот! — срывающимся голосом сказал Гарольд, отпустил Джок и прислонился спиной к дверному косяку. — Я же просил его, я говорил... Отец умер. Отец... А меня не было рядом с ним.

Он запрокинул голову, на его глазах блеснули слезы, и он издал горлом звук, похожий на шипение, как будто схватил голлой рукой раскаленный кусок железа.

— Ворон никогда ничего просто так не делает, — заметила Роза и положила ему руку на плечо. — Если не отпустил, значит, были на то причины. Джок, отчего умер твой хозяин?

— От болезни, — повертев головой, сказал привратник. — Старая рана у него была, да.